

ИЗ РАССКАЗОВ О ВОЙНЕ
ВETERАНА 6-ГО КАВАЛЕРИЙСКОГО КОРПУСА
ИВАНА ОНУФРИЕВИЧА БАБИНОВИЧА

*Ушедшему поколению, отцам
и дедам нашим посвящается.*

В кинотеатрах аншлаг фильма «Холодное лето пятьдесят третьего», а на дворе жаркое лето восемьдесят шестого. Жаркое и в прямом, и в переносном смысле. Брошено масса сил и средств на устранение последствий трагедии в Припяти. Военкоматы призывают на временные сборы водителей и других специалистов для отправки в Чернобыльскую зону. Но сегодня Ленинский военкомат Томска занят другим. Сегодня идет очередная проверка ветеранов на действительную, оговоренную государственными постановлениями принадлежность их к участникам II Мировой и Великой Отечественной войн. Ведь ветераны Великой Отечественной и Советско-Японской в то знаменитое своими пустыми прилавками и дефицитом всего и вся время могли в ветеранских отделах гастрономов, к которым они были приписаны, раз в месяц отовариться дефицитнейшими продуктами. И это были тушенка, сгущенное молоко, шоколад, сливочное масло и — апофеоз! — гречневая крупа! И, естественно, те, кто хоть день был на фронте, искал документы и подтверждения этого, а кто был в тылу, пытался выдать себя за фронтовика. И вот для того, чтобы дефицитные продукты не могли получать те пожилые граждане, которых партия и правительство этого не удостоили, властями и ветеранскими организациями постоянно проводились проверки по поводу того, действительно ли данный гражданин воевал или прослужил всю войну в тыловом гарнизоне. И находили, и разоблачали всевозможных обманщиков и аферистов. Причем зачастую разоблачали сами ветераны. Какими бумагами не запасись, как начальству не понравься — прошедшие горнило войны воины самозванцев определяли и в разговоре, и по поведению. А сколько обид этими проверками было нанесено настоящим ветеранам, правда об участии в войне у которых лежала на поверхности, а скольким помотали нервы, чтобы те достали надлежащие недостающие справки, хотя справки должны были запрашивать те, кто им не верил.

Я работал тогда военруком совхоза-техникума, самого большого среднего специального учебного заведения в городе, ежегодный выпуск пяти групп учащихся давал в Вооруженные Силы около сотни призывников ежегодно. С военкоматом поэтому контактировал постоянно, чему способствовало его недалекое нахождение от техникума. Да и сотрудники второго отделения в мою бытность были замечательными людьми, что способствовало работе. Пришел в описываемый момент я в данное государственное заведение вот по какой причине. Из выпускаемых пяти групп две группы приходились на механическое отделение. Отучившись четыре года, выпускники-механики выходили с правами на вождение трактора и автомобиля. За три года обучения начальной военной подготовке кроме стрельбы в тире и перед окончанием учебного заведения на полигоне, боевыми, многие студенты техникума посещали и стрелковый кружок, и стрелковую секцию, массово прыгали с парашютом. Причем три прыжка совершали от военкомата, а три в парашютной секции, которую с удовольствием посещали и девушки. Все отделения сдавали госэкзамены в мае, а механики в конце июня. Набор в престижные команды был в тот год к концу июня закончен, и двух моих выпускников, которых ранее собирались направить в ВДВ, огорошили тем, что план по набору туда давно выполнен, а они пойдут служить... в стройбат. Как известно, интеллект и военная подготовка в стройбате не требовались, служили в основном там люди малообразованные, или с ослабленным здоровьем, а то и с судимостью. Вот и шел я выправить ситуацию, помочь хорошим парням, да и сам я ведь вложил в них свой труд. К чести работников второго отделения, они сразу вошли в ситуацию, добились направления моих протеже если не в ВДВ, то в ВВС. После демобилизации ребята со мной встречались. Службой были довольны, что в те времена уже было редко. Служили они в Приволжском военном округе на базе стратегических бомбардировщиков, о начальстве отзывались уважительно. Службу несли там, как они мне рассказывали, исключительно призывники из Западной Сибири и Восточной Украины. А оказавшуюся там каким-то образом группу призывников из Азербайджана сразу же отправили вхозподразделение.

Но это отступление имеет косвенное отношение к основной теме рассказа. Дело в том, что придя знойным летним днем в военкомат, я застал там героя этого повествования.

Ленинский военкомат, обнесенный забором, располагался в старинном двухэтажном дореволюционном здании, в центральной части города. Попасть в отделения военкомата можно было, только зайдя во двор.

Справа, на первом этаже, располагались вход, в занимавшееся учетом допризывной молодежи и воинским призывом второе отделение, и актовый зал, слева был вход на второй этаж, где помещались остальные службы и кабинет районного военного комиссара.

В ворота неспешно тянулись старички и пожилые мужчины. Ведь призванным в последние месяцы войны ветеранам тогда еще не было шестидесяти. У многих на груди орденские колодки, ветеранские знаки. Взгляд вошедших сразу останавливался на стоящем в нескольких шагах от здания военкомата, в аккурат между обоими входами, пожилым мужчине среднего роста, возрастом чуть-чуть за шестьдесят. Ношенный, но аккуратный пиджак, на голове небольшая кепка-восьмиклинка с коротким козырьком. На пиджаке на левой стороне висели орден «Слава» третьей степени, любимая солдатская медаль «За Отвагу» и медаль «За победу над Германией», с правой стороны привинчены орден «Красная Звезда» и знак «Гвардия». У «Красной Звезды» эмаль на одном луче сорвана, луч покрашен красным лаком. И почему-то сразу понимаешь, что операция эта была проделана не вчера, а когда-то давно. Ведь орденские планки так и не прижились на фронте до самого конца войны. «Гвардия» тоже тертая, немного облупленная. Да и награды на колодках выдвигались выдвигались. И ни одной юбилейной медали, даже розданного недавно к юбилею всем фронтовикам новодельного ордена «Отечественная Война», который ветераны тут же окрестили «значком», но который многие носили как знак принадлежности к фронтовому братству.

Кавалер стоит, опираясь левой рукой на палочку, в спокойно-свободной позе. Плечи развернуты, подбородок горделиво приподнят. Скуластое немного плосковатое пятиугольно лицо со слегка приплюснутым носом и круглые навывкате глаза выдают в нем типичного западносибирского чалдона. Кривоватые ноги, как пошутили бы раньше, выдают в нем бывалого кавалериста. А в зеленых в крапинку, вроде как присыпанных маком глазах, так и играют бесенята. Видя такого бравого фронтовика, вновь прибывшие, конечно же, первым делом обращаются к нему: «По какому, извините, случаю, нас всех собирают?». На что наш кавалер отвечает, не моргнув, глядя на спрашивающего с серьезнейшим видом: «Положение в стране какое, видишь? Наша помощь требуется, сказали. Молодежь поучить надо. Рядовых и сержантов будут отправлять в Афганистан, а офицеров на Ближний Восток, там опять неладно. А то молодых запасников-то в Чернобыль отправляют. Ты-то в какой категории, сержант, лейтенант?». И тут же продолжает, не давая открыт рот спрашивающему: «Ну, поднимайся наверх, там все объяснят».

Ошеломленный и удивленный старичок (а это на моих глазах произошло не с одним, и не с двумя спросившими) поворачивается и идет в военкомат, а кавалер, не поведя и бровью, продолжает стоять в той же позе, невозмутимый, как вождь ирокезов.

Этот старый чертыка был никто иной, как мой старый добрый приятель Онуфрич, он же Иван Онуфриевич Бабинович, сын потомственного прасола-скототорговца, потомок сибирских городских казаков. Фамилия родовая ему досталась от взятого в плен и направленного в Сибирь на казачью городовую службу предка-«литвина». На Москве «литвой» в старину звали и белорусов, и литовцев, и даже жителей Центральной и Западной Украины, в отличие от восточно-украинских «черкасов». В военное присутствие на надлежащую проверку ходил, ветеранство свое подтвердил, и теперь поджидал своего друга, тоже фронтовика и коллегу по работе. А работал в данный момент Онуфрич, хотя и неполный рабочий день, в управлении «Томскнефтегазгеология». Проработал он там много лет, все знал и был отменным специалистом. Потому и пригласили, несмотря на возраст и хромоту.

Скажем честно, ногу он покалечил не на войне, а лет пять-шесть тому назад, когда переходил дорогу у родной конторы. И переходил не по производственным делам, а как «гонец» в располагавшийся напротив овощной магазин. Ведь тогда и дешевый портвейн был дефицитом, кому-то бы не дали, если закончился или еще нет десяти, а на всякий случай заначку оставляли продавщицы для нужных людей — тот же Онуфрич мог им и по сантехнике по-соседски помочь, и так по мелочи что отремонтировать. Но вот в тот раз ему не повезло, и ходил теперь с палочкой. Но как-то Ивану Онуфриевичу не повезло гораздо сильнее, правда, в моральном плане.

Выпить, как я уже намекнул, он был вовсе не дурак, но меру знал, знал, когда можно выпить и сколько. И вот сдружился он с одним умельцем — работником филиала управления, расположенного недалеко от основной конторы. Известное дело, у технарей-рабочих свой интерес, сегодня я тебя выручил, завтра ты меня. Ну и выпить иной раз по возможности, как же без этого. Но возможности-то, особенно перед зарплатой, когда карманные сбережения иссякают, бывают вовсе скверными. А умелец из филиала действительно был мастером уникальным, на все руки. И решил он немножечко помочь государственному монетному двору. Ну, немножечко, самую капельку. Ведь винишко-то тогда сколько стоило? Пол-литра — рубля полтора, 0,7 литра или «огнетушитель» (это когда в бутылки из-под шампанского разливали) уже два руб-

ля, два с копейками. Если разменной монетой, то семь-одиннадцать двугривенных, смотря от объема бутылки. И наладил этот умелец производство двадцатикопеечных монет. Немного так, для души. Ну а засылал в магазин он Ивана Онуфрича — мужчина степенный, клиент старый, никто ничего не подумает. И, как впоследствии говорили, пару раз им прокатило. Ну а затем, то ли умелец состав неправильно подобрал, то ли продавщица внимательнее отнеслась, но заметила она, что двугривенные Ивана Онуфриевича пальцы марают. Короче, повязали обоих. К чести умельца, взявшего все на себя, Иван Онуфриевич отделался легким испугом — только пожурили. Опять же дело велось во время очередного юбилея Победы, когда к ветеранам и военнослужащим применялись амнистии, так что он даже условно не получил.

Умелец же, будучи зачинщиком и изготовителем, а не ветераном, получил то ли, год, то ли два колонии. Дело, конечно, мелочное в прямом и в переносном смысле, но покушение на финансовую систему государства, и виновный был наказан. Даже спустя годы и Онуфрич, и его искуситель (знал я и его) крайне не любили, когда кто-нибудь напоминал им эту историю.

А в данный момент дядя Ваня Бабинович ждал своего закадычного приятеля, тоже фронтовика и тоже моего хорошего знакомого Александра Ивановича Дунаева. Был он на пару лет старше Онуфрича, начал воевать в лыжном батальоне под Москвой, а закончил в 1945 г. под Кенигсбергом. И звал он Онуфрича и в глаза, и за глаза странной кличкой — Джанги-Манги. За глаза-то, если вспоминали, звали «Джанги-Манги» его все, а обращались обычно либо по подсокращенному отчету — Онуфрич, либо по имени отчету полностью.

Воевать Онуфрич начал в 1943 г., и попал воевать по своей природной склонности — в 6-й кавалерийский корпус. Этот кавкорпус до января 1943 г. назывался «7-й кавалерийский корпус» и был сформирован в ходе войны, в декабре 1941 г. Первый же 6-й кавалерийский корпус был сформирован еще до войны, в 1935 г., и в составе его были 4-я, 6-я и 11-я кавалерийские дивизии — как в I-й Конной армии. Мало того, в 1936 г., после известного указа, корпусу было присвоено наименование казачьего, служили там уроженцы Кубани и Терека.

С самого начала войны 6-й кавкорпус, базировавшийся в Белоруссии, героически сдерживал врага и почти полностью был уничтожен. Доводилось беседовать с ветераном этого корпуса, служившего в Кубанском кавалерийском полку. Особенно много потерь было от авиации,

рассказывал он, потери были страшными. Осенью 1941 г. 6-й кавкорпус был переформирован и вновь героически сражался. Во время нашего печально известного майского 1942 г. наступления на Харьков он вновь почти полностью был уничтожен. Сражался и умирал кавкорпус героически. Уже в своих послевоенных мемуарах немецкий фельдмаршал Манштейн с явным раздражением вспоминал действия советских кавалерийских корпусов. Но, тем не менее, в третий раз 6-й кавкорпус решили не восстанавливать, а порядковый номер его передали 7-му кавкорпусу.

Номер передали, а наименование нет.

Иван Онуфриевич спустя много лет с негодованием жаловался мне, что его родной кавалерийский корпус гвардейским был, а казачьим нет: «У нас тоже казаков в корпусе много было. Правда, все с Урала и Сибири. А в двух полках личный состав полностью из казаков был, один из оренбургских, а другой из забайкальских. Ох, и воевали, особенно забайкальцы. Не отступали никогда. Иногда коновод после боя по пять-шесть коней вел, хозяева кто убит, кто ранен».

«А сколько коней коновод держал, если с ходу в бой?» — спрашиваю у бывалого кавалериста.

«Да полагалось по пять, а у нас по восемь держали, не меньше. Все лошади были с детства, да и война, сам понимаешь».

Рассказывал Иван Онуфриевич простым языком, эмоционально, а главное интересно. Да, была страшная война, гибли его товарищи, кругом, куда ни глянь, были видны следы вражеского нашествия. Но молодой здоровый парень, с малолетства привыкший к тяжелому труду, любивший лошадей, попавший в ряды себе подобных, с большим удовольствием вспоминал свою боевую молодость. Тем более, если слушатель явно внимал рассказчику с неприкрытым интересом и большим удовольствием.

«Иван Онуфриевич, командиром корпуса у вас кто был, Осликовский?» — спрашиваю его.

«Нет, у нас генерал Соколов, Осликовский 3-м корпусом командовал. 3-й корпус тоже не казачий, только 4-й и 5-й когда я служил, казачьими были».

Явно, этот факт не давал ему покоя даже спустя многие годы после войны.

«Донским да кубанским куда было до наших-то казаков, а у них корпусом казачьи, а нам-то нет».

«Так у них, в корпусах-то, в казачьих, не только казаки служили. Кроме казаков, кто угодно мог туда попасть» — возражаю я ему.

«Так и у нас не одни казаки служили. И там, в казачьих корпусах, казаков хватало. Думаешь, не пересекались? Как хвастать, так донские первые — и самые главные они, и самые старшие они, и самые лихие они. Ага, а как драпать, так тоже они первые. Наши не драпали, я тебе уже рассказывал. А уж наступать — никакой огонь не остановит, немец нас боялся, так вот».

И что любопытно, такую характеристику слышал я еще от двух фронтовиков. Так, сосед мой дядя Яша, не будучи знакомым с Онуфричем, говорил мне то же самое. Служил он с 1942 по 1945 г. в механизированных частях, которые постоянно придавались кавалерийским корпусам, воевал много, хлебнул досыта. И 9 мая для него был самый святой праздник. И вот поэтому, несмотря на все прогнозы медиков, будучи тяжело больным, на одной воле он прожил лишние полгода чтобы дожить до сорокалетия победы, и даже, несмотря на все запреты, выпил сто граммов, и только тогда спустя несколько дней умер. Так он почти слово в слово с Онуфричем сравнивал донских и забайкальских казаков, и сравнение было явно не в пользу первых. Зато упорство в бою, храбрость и лихость забайкальцев расхваливал.

«Мародеры рыжие, на ходу подметки резали ух и мародеры были, на лету прихватят, и не найдешь!» — разносил Онуфрич как-то своих сослуживцев-забайкальцев, то ли хваля, то ли ругая, то ли все вместе.

«И чего это ты их так — мародерами, если что для хозяйства взяли, то сразу и мародеры» — подначил я его.

«Да уж, не мародеры», — начал он рассказывать неизвестную еще мне историю. — «В Румынии дело было. Заняли мы имение графа Воронцова...».

«Так откуда в Румынии имение князя Воронцова?» — удивляюсь я.

«Говорю, значит было. Я что, не помню, где стояли? Там такие винные погреба! Еще с тех времен у него имение там было», — парирует он. — «Ну, мы там и дорвались... Просыпаюсь в погребе, первым делом за наган, я же командир отделения, мне наган положен. На месте. Остальное оружие тоже на месте. Наган достал, руку в кобуру, червонцев нет! Я ведь, когда поместье проверяли, девять царских червонцев нашел, в кобуру спрятал. Ну, рыжие мародеры, вытащили!».

«Вот это правильно, Онуфрич, они мародеры, а ты нет!» — от души смеюсь я.

«Ха!.. Я нашел, а они сперли, пока я спал», — ничуть не смущается он.

«И много оружия на вас было?» — тут же спрашиваю его.

«Автомат, шашка, запасной диск к автомату, лопатка, противогаз. Противогазы, правда, сразу выбрасывали. Нас за это и не ругали. Я в чехле из-под своего противогаза запасной диск носил. Ну и у меня еще наган, как у командира отделения».

«Ну, а шашки в окопах-то снимали?».

«Как же, снимешь, нельзя было на боевой позиции, вот и путалась она в ногах в окопе, мешала. Что ей в окопе делать?».

«У поляков вон к седлу они приторачивались и вы бы так».

«Знаю, а нам не разрешали. И чистить ее регулярно надо было».

«И чем чистили?»

«Ха, толченым кирпичом. А кто зубы не чистил, тот зубным порошком. Зубной порошок хорошо драил! Но в окопах с ней путаться — провались!».

«А шашку сейчас наточить сможешь?» — интересуюсь у старого кавалериста.

«Есть? Дай, махом наведу, как бритва будет» — и он мгновенно делает движение, будто левой рукой держит клинок, а правой шоркает по нему оселком.

«А сталь хорошая, из одной шашки три таких сапожных ножа получилось, лучше не видел!» — неожиданным образом подводит итог своему обзору по кавалерийскому вооружению ветеран. И в этом весь Онуфрич — непосредственный, прямолинейный и искренний. Рассказывает, и будто на мгновения переносится назад, снова переживает фронтовые эпизоды. Такое мне доводилось наблюдать у многих досыта повоевавших фронтовиков, не у одного Онуфрича. А воякой он был лихим и ушлым, видно сразу.

Дядя Саня Дунаев, прошел всю войну. До тяжелого ранения, после которого его перевели в саперы, был батальонным разведчиком и языков перетаскал уйма. Но в 1941–1942 гг. командование на награды было крайне скупое, а саперам, как известно, все больше давали «За оборону...» да «За взятие...», которые у него были, а за походы за линию фронта до ранения получил единственную номерную награду: медаль «За Отвагу». Самую почетную фронтовую медаль, но одну. Так вот, он раз как-то сказал мне в сердцах: «Джанги-Манги эскадронному коня своровал, он ему и «За Отвагу» за это дал. Любимчиком он был у эскадронного».

«Так и коня надо уметь украсть. А если бы попался? Да и сколько наград заслуженных вам не дали, а по случаю, бывало, и везло, лучше меня знаешь», — возразил я.

Александр Иванович задумался и замолчал. Понимать он это все понимал, но досада эта, как видно, точила его долгие годы.

Боевым товарищам — коням, Онуфрич как-то дал исчерпывающую и прагматичную характеристику: «Был у меня донской жеребец. Здоровый, не прокормишь. Хорошо попали под бомбежку, его осколком убило. Дали мне забайкалку (забайкальская порода лошадей — С. 3.). Вот это хорошо! Жрет в два раза меньше, и окоп ей рыть надо не двенадцать штыков глубины, а на восемь. Вырыл ей окоп, спихнул и сиди она там. Монголка (знаменитая монгольская порода лошадей — С. 3.) тоже хороша, тоже неприхотливая, а окоп ей надо копать всего на семь штыков».

«Так вы и для коней окопы рыли?» — изумился я.

«А как же, если выходим на передовую и не наступаем сходу, то сначала коням окопы выкопаем, ясное дело, не на передней линии, немного подальше, а потом занимаем оборону и себе копаем, в полный профиль. А завтра мы продвинулись и опять роем. Себе и коням. Бои упорные шли, до самого конца войны. Через Румынию мы быстро прошли. Как к румынской границе подошли, они сразу к нам переметнулись. Румыны вояки известные. А в Венгрию вошли, там сразу тяжелые бои начались. Там и немцы, и мадьяры. Мадьяры воевали не в пример румынам, а нас ненавидели, злее немцев были. У нас взвод разведки в засаду попал. Все в седлах были, на ровной дороге в поле, их и положили из пулеметов всех. Так мадьяры, сволочи, штаны с них с убитых сняли и на ногах у них лоскуты кожи вырезали — вот вам ваши лампасы, получите. Мы после этого случая ни одного мадьяра в плен не взяли».

Уже в Германии произошло крепко запомнившееся ему событие, к счастью не трагическое, а скорее анекдотическое.

«Расположились мы в прифронтовой зоне. Война к концу шла, немецкая авиация не досаждала, но пулеметы зенитные при нас были постоянно, как и приданная бронетехника. Коням коновязи сделали, сами своими делами занимаемся. И вдруг “Ил-2”, “штурмовик” наш, на бреющем. И как всадит по нам! Лошади аж коновязи переломали, разбежались. А “штурмовик” на второй круг заходит! Тут ему крупнокалиберный зенитный и врзал, они прямо на автомобильных платформах стояли. Самолет прямо на пузо и спланировал, колеса выпустить не успел. Мы, кто коней поймать успел, к самолету скачем. Морду летчику бить будем. А летчик, гад, на кабину вылез, документами машет и орет: “Я свой, я свой!” Сразу “свой”! Ты что же, гад, раньше не видел, по кому лупишь? Откуда у немца весной сорок пятого кавалерия взялась? Летел низко, все видно, а он пострелять захотел! Подскакали, по пого-

нам целый капитан, а понимает, что напакостил, испугался и все орет, что ошибся и свой, а слазить боится. Ну, офицеру же морду бить не будешь, стянули его с самолета и сдали для разбирательства. А так дураку морду набить хотели!».

Уникален и поучителен рассказ Ивана Онуфриевича об окончании войны. И наглядный урок тем, кто пытается до сих пор представить, будто народ наш в основной массе своей верил в мировой коммунизм, годился советским строем и боготворил товарища Сталина.

«После 1-го Мая, в аккурат ночью, спали уже, как лупануло со всех сторон — кругом стреляют. Провались, немец прорвался, опять в бой, и это в самом конце войны. Все с оружием, бежим. А тут радист дежурный из танка вылезает и кричит что есть мочи: “Берлин взяли! Ура!!!”, и давай в воздух стрелять, а за ним и все мы. Я из “ППШ” весь магазин выпустил. Отсалютовали, а дядя Паша Шмелев, старший сержант, пожилой был, сорок лет ему было, сам с Алтая, и сказал: “Вот, а теперь нам развернуться и Москву взять”.

Старшие возраста сразу после Победы демобилизовали, домой отправили. Ну, а поляки два эшелона наших демобилизованных под откос пустили. Дядя Паша и погиб. До сих пор их жалко, живые остались, домой ехали...» — и Онуфрич тяжело вздохнул.

И ведь что интересно, мало того, что никто не донес на старшего сержанта Шмелева ни политруку, ни особисту, так даже никто и не возразил, и не поспорил. А ведь наверняка и из партийных кто-то рядом стоял, план приема фронтовиков в партию был обязателен. И на этом маленьком примере как-то сразу понятно становится, почему наш народ победил, несмотря на всю мощь и изуверство врага, подлость «союзников» и кретинизм собственного начальства.

Уже через пять лет после встречи в военкомате, зашел я летом 1991 г. в гости в «Томскнефтегазгеологию», и застал там Бабиновича, тоже зашедшего на старое место работы, благо, приятелей у него там хватало.

Сидели в тихом закутке у топографов, взяли немного выпить, благо, на закате правления Горбачева в свободной продаже начало появляться спиртное, усадили и Онуфрича. Пошли разговоры. А в то время активно шел поощряемый партией и правительством процесс «возрождения казачества». Коснулись и этого процесса, на что Онуфрич, обращаясь ко мне, выдал:

«Как услышал я это, хотел к ним прийти. Рассказать, помочь чего, посоветовать. А тут по телевизору смотрю, собрались эти казаки, все в золотых погонах, все офицеры, а атаман их в полковничьих погонах на

сцену со скрипочкой вышел и играть начал. А сам этот полковник ко-сой, глаза в разные стороны. Он же белобилетник, кто ему погоны старшего офицера надеть разрешил? И с какой стати настоящий атаман на сцене на скрипочке играть станет?»

«Так он уже и генерал-майор у них, Иван Онуфриевич, друг Вадик Ковалев, геофизик наш, ходит туда, новости сообщает», — добил я его.

«Вот те, с которыми мы вместе воевали, в атаки ходили, под бомбежками лежали — это казаки были. Незаслуженные погоны они бы не надели. Это что, игрушка, погоны? Нет, не пойду я к таким казакам» — подвел итог старик.

Для того поколение слово «казак» значило очень многое, и начнись этот процесс в пору их молодости, когда еще были живы те, «старорезимные» казаки, вряд ли бы дело скатилось к бесплодным сварам и ряженым «генералам»-аферистам. Не те это были люди, так много перенесшее и пережившее и уже ушедшее поколение.

Ну, а что значит «джанги-манги», я так и не узнал. Спросил как-то у Александра Ивановича Дунаева, на что он мне ответил:

«Помоложе был, что-нибудь надо, по работе, или там в овощной за портвейном, он одной ладонью вскользь другой рубнет (и он показал жест), как шашкой, наискосок, и — “А, джанги-манги! Все сейчас сделаем, махом!”. Так и прилипла за ним кличка. А что сами слова обозначают да откуда, ты это у него сам спроси, вы ведь друзья».

Я же, то забуду, увлекшись разговором с дядей Ваней, то вопрос не к месту... Так и не узнал, откуда эта странная фраза.

А. О. ИВАНОВ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА ПЕРИОДИЗАЦИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ПРЕДЕЛАХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК УРАЛА

История Гражданской войны уже долгие годы привлекает к себе внимание ученых-историков, а также простых обывателей. Это весьма справедливо, ведь данное событие спровоцировало одну из крупнейших социально-политических катастроф, которую пережила наша страна в первой половине XX в. Крайняя сложность изучения со-